

Сергей САМОЙЛЕНКО

ОТЦУ

Играй, музыкант, захлебнувшись слезой и мазутом,
сбиваясь с окрипшего марша на сдавленный туп,
по мокрой полоске шоссе, окаймившей рассудок,
горящий багровым белком сквозь развалины туч.

Въездается в поры досрочный сверхплановый уголь,
кромешная ретушь упавшей в лицо синевы.
Красна ли цена духовой ритуальной услуги
за выслугу лет и цетину трехдневной травы?

Играй о длине тормозного пути катафалка,
ломавшего ребра кривым рулевым колесом,
о вложенном в ноздри цветенье тлетворной фиалки,
витающей в сумерках над поминальным столом.

Асфальт прилипает к ногам, что твоя изоленга,
и рушится сердце от груза надгробной вины
под звук цепенеющей меди пожухлого лета
и вечнозеленых венков заскоруждой сосны.

От траурных труб резонирует твердь, и пустоты
гудят, ожидая того, чей высокий сапог
бестрепетно черпал подземную мертвую воду,
и уголь чернит побелевший до срока висок.

Под хруст заломившего руки крепежного леса,
державшего туч, помутившихся разумом, свод,
в посмертный сентябрь переходит последнее лето
и ртом запредельную воду из пригоршни пьет.

1989

Цистерны нефтеналивные,
платформы, полные песка.
Рукой железной не впервые
берет дорожная тоска
за горло — жив еще? — за жабры.
Ну, с богом, трогай как-нибудь!
Безжизненный пейзаж державы
не даст ни охнуть, ни вздохнуть.

Лесные и лесостепные
развалы гаснут за окном.
Скрипят колодки тормозные,
и стрелочники с фонарем
в шпалопропиточных ландшафтах
встанут встречать локомотив
в шинелях и собачьих шапках,
глаза от ветра заслонив.

Экзотика согласно КЗОта:
мелькнет оранжевый жилет,
ударит запах креозота,
и загорится красный свет.
Живая ниточка Транссиба,
чуть дребезжащая струна,
держи меня, как леска — рыбу,
веди и поднимай со дна.

Топки, Болотное, Барабинск,
стоянка полминуты, чай,
в кроссворде — реверс и анапест,
в купе — попутчик-краснобай.
Так анекдоты бородаты,
что лучше лечь лицом к стене
и видеть версты полосаты
в бездонном пассажирском сне.

1989

Я просыпаюсь среди ночи
и слышу, как на шахте дальней
чугун и уголь что есть мочи
пугают сон индустриальный,
как эта ночь стучит зубилом
или отвинчивает гайки,
куда чернее, чем чернила
в чернильнице—непроливайке.

Она катает вагонетки
по всей длине узкоколейки,
и пыль с черемуховой ветки
трясет на ветхие скамейки
под сенью крошечного сквера
с остатком гипсовой скульптуры
не то героя пионера,
не то чумазого амура.

Осколки белоснежных пугал
давно уже черней, чем негры,
и гипс напоминает уголь,
которым столь богаты недра.
Скажи спасибо рудознатцам,
до ископаемых охочим,
иначе бы откуда взяться
здесь этаким чернорабочим?

Но дело прошлое, чего там,
а нынче ночь не бьет баклуши,
стучит железом, как по нотам,
так, что закладывает уши,
пугая сон провинциальный,
смущая мертвые отвалы,
колотит ночь на шахте дальней
куда попало, чем попало.

1989

В ночь понедельника, в утро среды,
в дождь четверга, в снегопад воскресенья
носится в воздухе запах беды,
отзвук звезды и возможность спасенья.

Что-то подмешано в небо страны
кроме фабричного горького чада —
то ли неявное чувство вины,
то ли глухая угроза распада.

Что-то заморожено в лед января,
что-то добавлено в ливень июня
кроме озона и нашатыря,
кроме поющей струны гамауна.

Кроме огульного гула турбин
над головами погостов и гульбищ
чем-то отравлены реки равнин,
чем-то, чего из горсти не пригубишь.

Что-то привито к березам, чей сок
кажется горше лекарства иного —
то ли костра осторожный дымок,
то ли огонь воспаленного слова.

Что-то такое дыханье теснит
и обрывает натянутый голос —
то ли отеческий праведный стыд,
то ли сыновья крошечная гордость.

Что-то такое, о чем не кричат,
против чего бесполезен анализ, —
тот же фабричный отъявленный чад,
тот же отчаянный птичий акафист.

1988

Фото Владимира Соколаева

Фото Владимира Соколаева

Проводы Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова в актовом зале ЗСГУ. Новокузнецк. 14.02.1984

Ты взглядом останавливал часы,
засвечивал в кассетах фотопленку,
в стаканах замораживал вино.
Ты сделал вдох и выучил язык
глухонемых и понял подоплеку
игры в переводное домино.

Портреты женщин обращались в прах,
в часах летали мертвые кукушки,
и в уксус превращался алкоголь.
Ты шел, не отражаясь в зеркалах,
попутно разбивал пивные кружки
и поджигал поваренную соль.

Скисало у хозяек молоко,
по улицам гуляла стая моли,
на клумбах доцветал чертополох.
Ты улыбался слишком широко,
чтоб за улыбкой не заметить боли,
считая от нуля до четырех.

Когда ты понял, что совсем оглох,
включили звук на полную катушку,
молчание закручивая в смерч.
И ты закрыл глаза и сделал вдох
под хохот механической кукушки,
которым можно было пренебречь.

1987

В шахтерских пригородах снег
не столько бледен, сколько смугл.
На этом фоне даже уголь
выигрывает в белизне.

Здесь непроглядна темнота,
густеет ночь быстрее гудрона.
Летает белая ворона,
черна от клюва до хвоста.

Об эту пору трубочист
неотличим от кочегара.
Здесь утро пахнет перегаром,
а вечер на руку нечист.

Заходят сумерки с крестей,
масть круглый год одна и та же.
Бараки, крашенные сажей,
стоят без окон, без дверей.

Ржаной сухарь на черный день
старуха в наволочке прячет.
Белье черно в отместку прачке,
и черномаза светотень.

Здесь толем кроют небосклон,
нет звезд, бельмо луны незряче.
Одна лишь белая горячка
еще чиста, как самогон.

Я жил здесь, белые стихи
писал то грифелем, то мелом,
стал черен сам душой и телом,
не намарав и полстроки.

Не спился, а наоборот:
считал посредством телескопа
ворон, косил под углекопа
и вышел через черный ход

на свет. Но если в этот ад
сойдет вдруг по стремянке ангел,
он вывернется наизнанку
и не воротится назад.

1990

Вспомнишь среди ночи нерешенный ребус:
написать в трех клетках «Кукла виновата».
До утра бормочешь: полная нелепость,
дайте мне таблетку от неадекватности.

Это что за дурак в рыбьем мехом подбитом пальто,
да и то нараспашку, в горящие окна лото
ближней многоэтажки, в кармане зажав две копейки,
смотрит не отрываясь? Он скоро примерзнет к скамейке,
засыпаемый снегом, просеянным сквозь решето.

Он, пожалуй, под мухой. Он, спорим, кого-нибудь ждет.
Через двор поспешает с работы семейный народ.
Ребягня строит снежную крепость, катается с горки.
Он, стараясь представить, чем пахнут арбузные корки,
хоровод белых мух запускает в разинутый рот.

Позвонить или как? Зажимая монетку в кулак,
он почти что решился. За шторой в окне — полумрак.
Отрясаемый с ветки синицей, от холода синей,
на орла ли, на решку за шиворот падает иней.
Он докурит и встанет. Ну на фиг! Он круглый дурак.

Докурил и встает. Во дает. Телефон-автомат
в трех шагах, вон за тем детским садом. В саду — детский мат.
Как обычно, горосы мочи в телефонной кабине.
Он бросает монету и пальцем, от холода синим,
набирает шесть цифр. Дозвонился, но оба молчат.

1997

Что это за гемор, что это за гадство,
в чем, скажи на милость, виновата кукла?
Отцепись, Альцгеймер, отщись, разгадка!
«Кукла провинилась», — набираю в гугле.

Глупая шарада уровня детсада.
Блинчики на ужин. Пончики на полдник.
Память, выпей яду без барбитурата.
Кому это нужно? Зачем это помнить?

Эра манной каши. Царство кукурузы.
Пена газировки типа «Буратино».
Насморк, сопли, кашель. Теплые рейтузы.
Кушай на здоровье! Коклюш и ангина.

Головоломалка для продленной группы.
Главное, не плакать. В угол на сон-часе!
Почему ж так жалко, почему ж так глупо?
Это все неправда, это ли не счастье?

Видишь как в тумане: середина лета,
сахарная вата облаков над Томью.
Мама в сарафане. Папа в сандалетах.
Вот и все, что надо. Вот и все, что помню.

2020

Фото Влади́ра Соколаева

Наблюдение полного солнечного затмения в селе Мохово. Кузбасс. 31.07.1981

Фото Владимира Соколаева